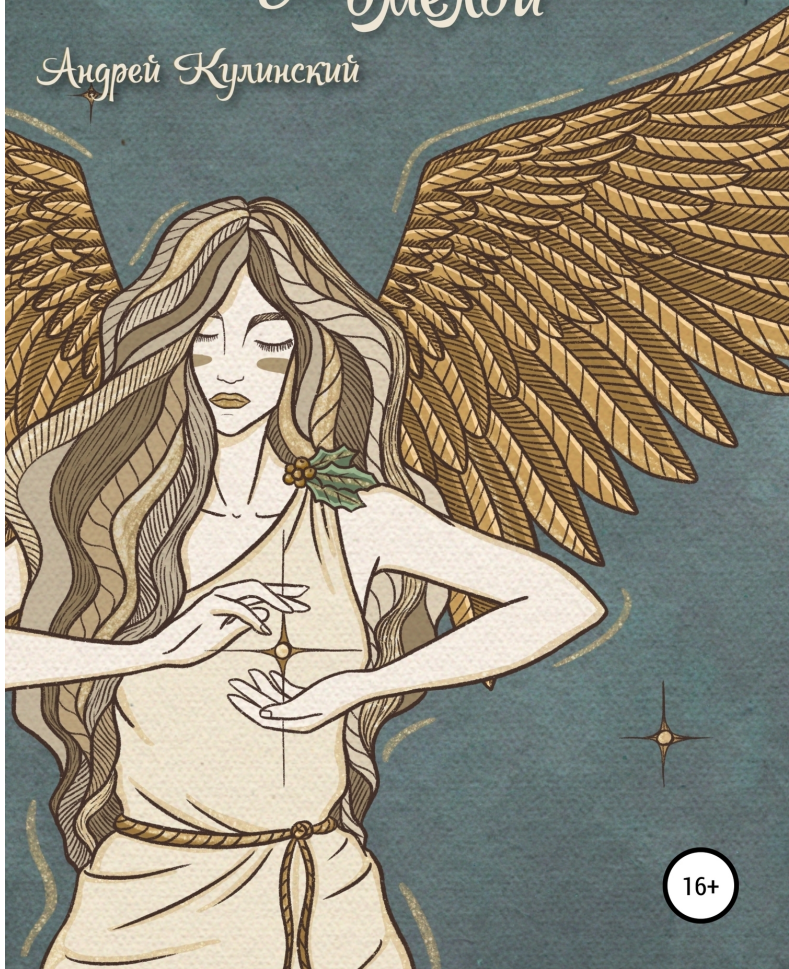

Сны, увитые омелой

Андрей Кулинский

16+

Андрей Анатольевич Кулинский

СНЫ, увитые омелой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470123

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99595-6

Аннотация

В канун рождества получила Агата неприятную весть из дома. Отец потерял завод, долги вынудили его продать коня Агаты, Персея, с которым вместе она росла, а теперь ухаживает за ним вдали от дома, в городе, где проходит ее учеба. Задаток отец уже получил, а у Агаты нет средств, чтоб все изменить. По требованию отца бросает она учебу и отправляется вместе с Персеем на поезде в родной город. В поезде видит Агата сны, истории, в которых отражается ее прошлое и настоящее, сюжеты, в которых, возможно, скрыта подсказка к ее будущему.

Содержание

Агата и Персей отправляются домой	4
Легкая фаза первого сна “лабиринт”	8
Глубокая фаза первого сна “птицы”	16
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Кулинский

Сны, увитые омелой

Агата и Персей отправляются домой

Трое суток она не спала, задолжав себе три сна.

Не было времени, торопилась в дорогу, собирая документы Персею, любимому своему коню, которого теперь по воле попавших в долги родителей придется везти ей в родной город для продажи, ведь там только нашлись покупатели, желающие ухаживать за Персеем, остальным он был нужен лишь как пища.

Стрессом желая прижечь свои раны, не ела почти все три дня, дышала с трудом, но теперь, уже в поезде, смирилась. Так надо, удастся выручить крупную сумму, а отцу, потерявшему свой завод, эти деньги очень нужны. Однажды он и купил ей Персея.

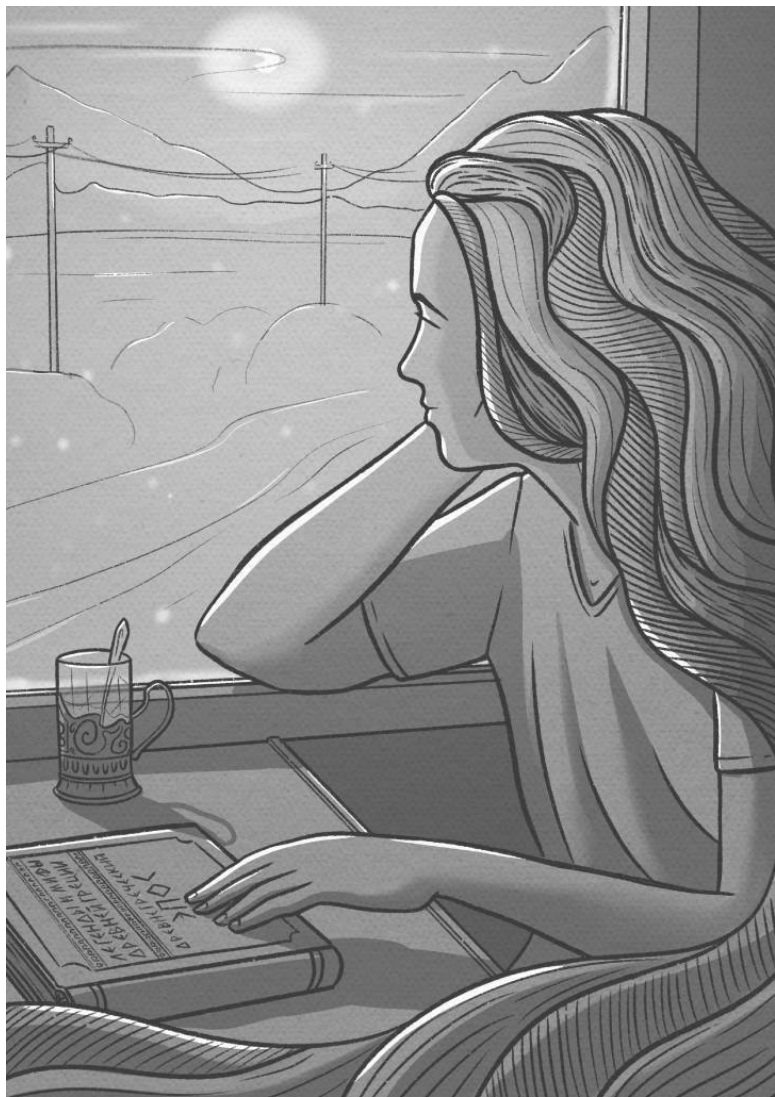
С друзьями не говорила, все дни со звонка родителей комок в горле. Лишь отписалась, сказав что болеет и едет домой, что вернется уже ближе к сессии.

Ранним утром, едва лучи солнца упали на влажные от рождественского снега дороги, отправилась на конюшню и

оттуда с коневозом к вокзалу. Потратила, что копила к рождеству на отдельный вагон для Персея и сама бы спала здесь, рядом с ним, в эти последние дни вместе, но поедет отдельно в купе. Нужно быть взрослой, ведь сможет же позже навещать его у новых хозяев...

Поезд тронулся.

Пустота внутри, не хотелось совсем ничего и сидя у окна, за которым мелькает рождественский город, переходящий в снежный лес, Агата открыла любимую с детства книжку о мифах Древней Греции и вслед за историями о Минотавре, Орфее и Эвридике, предалась сновидениям.

Легкая фаза первого сна “лабиринт”

Лето в этом году было необычайно холодным. Каждый вечер влажный воздух сгущался в желтый, от света фонарей, туман, ползущий по улицам, накрывающий дома и машины. Калин смотрела новости, только чтобы дождаться прогноза погоды и задаться вопросом «почему?». Почему по всей стране так тепло, а в ее родном городе холодно и сыро? Почему лето напоминает осень, застывшую на самой границе с зимой? Это не шутка и не преувеличение. Однажды утром она видела, как падают с неба крупные снежинки. Белый, непроглядный туман лежал поверх дороги, а на него, кружась, стелились мокрые хлопья снега. Калин сидела у окна, растирая замерзшие ладони, ерзая на жестком холодном стуле. Спать ей не хотелось. Она слишком устала, чтобы спать. Ее тело было измято, кожа побелела, колени заострились, а на бедрах появились крупные синяки. Зрелище за окном было потрясающим. Она никак не могла оторваться. Только когда на часах было шесть тридцать и прозвенел будильник, она встала и прошла к холодильнику, чтобы налить молока. Некоторое время она стояла перед зеркалом и разглядывала себя, отпивая по глоточку. Она давно не смотрела на себя вот так, в полный рост, в тишине и покое. За последние месяцы она исхудала, потеряла почти треть от своего веса, а ведь она никогда не была толстой и раньше она себе нравилась, а теперь

что с ней? Как измотала ее жизнь в счастливом браке.

Днем к ней зашел друг. Его звали Эсмонд. Он был длинный и худой, в черном, сыром пальто, на голове его была шляпа, прикрывавшая лысину.

– Привет, Холли Голайтли, – прохрипел он, улыбаясь и показывая промокший по краешкам конверт.

Калин высунула голову за дверь и посмотрела, не видел ли кто ее друга.

– Чай? – спросила она, запирая дверь.

– С коньяком, – ответил Эсмонд.

Он сидел в кресле, хмурился, поглядывал на свои ноготочки, о чем-то размышляя. Калин подкатила к нему маленький столик с чаем и конфетами. Эсмонд развернул одну и положил в рот. Его тело тут же сотрясли судороги. Конфета была холодной, а он сам только-только с холода. Дрожащей рукой он поднес ко рту кружку и сделал глоток.

Калин, не обращая на друга внимания, увлеченно читала письмо. Она сидела напротив Эсмонда, на точно таком же обитом зеленым сукном кресле.

– О чем пишет? – спросил Эсмонд.

Калин не услышала его.

– Ясно, ты увлечена... Я иногда думаю, кто выбирал мебель в вашем доме? – Эсмонд стал рассуждать вслух. – Зеленая ткань вышитая цветочками поверх этих... – причмокивая, он потрепал отделку кресла, – этих... и еще вон-тех... – он посмотрел на два маленьких диванчика, стоящих у стен...

– пол, конечно, выбирал муж. Не знаю почему, но если бы я писал роман, где были бы вы и этот парень из тюрьмы, то пол обязательно выбирал бы муж...

– Послушай, – прервала его Калин. – Ты опять намекаешь...

Калин ненавидела, когда Эсмонд заговаривал о ее с мужем отношениях. Это не его дело. Это его привилегия. Ведь он таскает эти письма из тюрьмы. И он никому не расскажет. Но иногда он позволяет себе слишком много.

– История банальна, – продолжил Эсмонд, как ни в чем не бывало. – Он тебя бьет и ты завела себе любовника... Хм, если бы он был твоим настоящим любовником, в физическом плане, было бы интереснее... Как автор такой истории, я бы хотел, чтобы у вас с уголовником была не только переписка. Тогда можно было бы намекнуть читателю, или зрителю, что любви между вами двумя нет, только желание... Но вот проблема, эти ваши письма друг другу, это нечто платоническое. Реальность не оставляет интерпретаций.

Калин отложила письмо в сторону и выпила из своей кружки. Брови задумчиво опустились, глаза сощурились, а губы шептали что-то очень тихо.

– Интересно, – сказал Эсмонд, разглядывая ее. – Ты никогда не говоришь, что там.

– Это же личное, – ответила Калин.

– По своей натуре я довольно циничен, – сказал Эсмонд. – Поэтому я допускаю твою переписку с этим Вардом... Но ты

понимаешь, какое дело...

– О, господи, – Калин закатила глаза, высказывая недовольство. Более всего в

Эсмонде ей не нравились эти его рассуждения. Она от них уставала.

– ...Трумен Капоте позволил жить убийцам, потому что хотел понять их. Его заинтересовала прежде всего история убийства, характеры убийц, жизнь до и после. Но что потом?..

– Откуда мне знать... – Калин взяла в руки письмо, стала водить пальцем по строкам, рассматривать бумагу.

– Он понял, что они такие же люди, как и все остальные. Как и он... Как и жертвы... – Эсмонд отпил еще чаю с коньяком. – Их жизнь зависела от него, но общество требовало кары. Убийцы должны быть повешены, он это понимал, но где в таком случае мораль? Где человечность? Что мы должны сделать в такой ситуации? Поступить, как требуют того установленные нормы, те нормы, согласно которым мы защищаем себя и своих близких, или поступить так, как должен был бы поступить человек... высший человек, или человек идеал. Я имею в виду бога, Иисуса, или то, что понимают под его личностью. Всепонимание и всепрощение... Как совместить в себе человека земного, близкого к животному, с его общественными устоями и прочим, и человека высшего, верующего, доброго?.. Трумен Капоте платил адвокатам убийц, но когда они стали для него людьми, он должен был

сделать свой выбор – оставлять адвокатов или позволить обществу расправиться с убийцами...

– Но ведь вина Варда не доказана. Будет суд, – сказала Калин. – И я верю, что он невиновен.

– Конечно, ты веришь. Как же. Когда мы видим, как складываются отношения у героев в кино, мы хотим, чтобы все было хорошо, только лишь потому что мы сопереживаем им. Это называется эгоизм. И ты хочешь, чтобы он оказался приличным человеком. Это не для него, это для тебя – тоже эгоизм... Возможно, я ошибался насчет платонической любви... – причмокивая, Эсмонд допил свой чай. – Вполне вероятно, для каждого из вас эта переписка, своеобразная терапия.

– Не твое дело, Эсмонд, – Калин взяла кружки и ушла на кухню.

– Теперь ты поняла, насколько я циник? – перекрикивая шум воды, спросил Эсмонд. – И все же я беспокоюсь за тебя. Когда ты впервые увидела этого Варда по новостям, мне не нужно было говорить, что у меня есть к нему доступ. И когда ты спросила, можно ли передать ему то письмо, где ты хотела его поддержать, хотя там было не только это, мне не нужно было передавать то письмо...

– Не только это?! – было слышно, как с грохотом упали кружки в раковину. Калин ворвалась в комнату, залитая водой, – Не только это? Что это еще значит?

– Просто я прочитал твое первое письмо... Прости. Дру-

гие письма я никогда не трогал... Ты что, вся облилась водой из-за меня?

Калин опустила руки и села в кресло. Ноги ее подломились, она глубоко дышала. Вода на кухне лилась до сих пор.

– Никаких других писем?

– Нет, – ответил Эсмонд. – Но теперь я понимаю, насколько важно для тебя то, что там в других письмах... Я больше никогда не буду про них спрашивать, если хочешь. Просто почтальон, выполняющий свою работу... Разве я заслужил дружбу со своими нанимателями? Конечно, нет.

Эсмонд встал, взял пальто и пошел к дверям. Калин подбежала к нему и обняла его, остановила, прижавшись щекой к спине и крепко сжимая его плечи.

– Ну прости, – сказала она. – Прости, прости, прости...

– Я всего лишь беспокоюсь за тебя, – сказал он. – Потому что люди не видят, они хотят видеть... Ты хочешь видеть его хорошим, но он не такой... И если я в этом виноват...

– Такой, или не такой. Что случится, если один очень хороший писатель поможет мне развеять скуку, благо у него есть связи в городской тюрьме, а я в свою очередь помогу одному человеку своей поддержкой. Ты ведь сам говорил, он прежде всего человек...

– Для бога – да. Для общества уже нет... Это во-первых. А во-вторых, в твоей схеме я самое незаинтересованное лицо. Я вроде как действую безвозмездно.

– Не безвозмездно. Ты же расскажешь, о чем будет твой

новый роман?

– Тогда придется выпить еще чаю.

– Там наверное уже всю кухню водой залило! – Калин побежала на кухню, остановила воду и набрала чайник, а потом достала из холодильника коньяк.

– Нет, ты что, – сказал Эсмонд, – я больше не буду. Мне нужно было только согреться.

Он прислонился спиной к дверце холодильника, Калин села на подоконник.

– Так о чем будет твой роман?

– Я еще думаю над формой для свой новой истории. Может быть, пьеса подойдет к ней лучше романа... Это будет театральная история. Театр во время финансового кризиса. Все постановки приостановлены, осталась одна и главный режиссер на оставшиеся деньги пытается сделать хоть что-то. Актеры уходят от него один за другим. Он приглашает любителей, чтобы платить меньше, но по ходу репетиций он все более вживается в свою роль. У него нет права на провал постановки. Он вживается слишком сильно и переходит черту... Я забыл сказать, они ставят историю по мифу о Минотавре, а режиссер играет самого Минотавра и актеры-любители начинают бояться его настолько, что отгораживаются от него. Он запирает их в глубинах старого театра, и они, чтобы выбраться, отдают ему жертву... Пьеса будет называться «В глубине лабиринта»...

– Будет классно, не сомневаюсь, – сказала Калин. – Но к

чему это все? На что ты опираешься?

– Это о современном мире. Все становится иллюзией, виртуальностью. По телевизору говорят, что где-то идет война, показывают умирающих детей, всех в грязи, а мы смотрим на это, жуем еду, а потом переключаем на другой канал, потому что неинтересно. Отчуждение страшнее всего. Страшно знать, что где-то на твои налоги ведется война и убивают людей. Но еще страшнее осознать, что миллионы людей понимают такую ситуацию и она их устраивает. Потому что они отчуждаются от нее... Театр будет в моей пьесе символизировать весь мир, это станет ясно, когда придут актеры-любители. И этот мир будет поглощаться кризисом, внутри которого заведется свой монстр. Это будет видно, от начала и до трагического финала будет видно, что готовится катастрофа, зарождается монстр, но все попытаются не заметить это. Они будут отчуждаться от реальности.

– И кто же тогда внутри лабиринта? Отстраненные зрители, на чьих глазах актеров стали убивать взаправду, или же сами актеры, переставшие играть?

– Ответ на этот вопрос я оставляю тебе.

Глубокая фаза первого сна “птицы”

Каждый год ближе к августу наступает время поздних туманов. Сгущаясь над озером, холодные влажные облака обволакивают береговую линию, замешиваются в лесу и медленно взбираясь по птичьей трассе, оказываются в городе, рассеивая над домами запахи ила и хвои.

– Говорят, в августе здесь уже не искупаться, – рассуждал мужчина за рулем. – Я читал, что в озере полно холодных источников. Представляешь, что они пишут? Будто у самого берега зимой никогда не появляется лед, метров на двадцать уходят вглубь озера эти подземные ручьи, но меня рассмешило не это. Они пишут, что зимой ручьи горячие, а летом ледяные... Как думаешь, Ноа, это и привлекает Келенкенов?

Он рассмеялся, а она подумала, склоняется ли имя этих древних птиц. Мужчину за рулем звали Абель и он был главой экспедиции, что казалось ей вдвойне отвратительным теперь, когда будучи здесь он начал приплетать к своим шуткам о местных еще и Келенкен, цель их исследования.

Ее молчание как-будто разозлило Абеля, машина поехала быстрее на каменистой дороге и ее приборы и книжки посыпались в разные стороны, так что ей пришлось придерживать их руками. Была в машине еще Лорена, химик из их университета, ей предстояло исследовать состав почвы под следа-

ми, оставленными Келенкен каждое туманное утро на птичьей тропе, но сейчас Лорена крепко спала на переднем сидении, всю дорогу она смеялась над шутками Абеля и видимо сильно устала. В машине позади них, отставшей теперь и громко сигналившей, ехали Тео, младший сотрудник, недавний студент которому суждено всю экспедицию прислуживать Абелю, и Шейла, археолог, что она тут в одиночку будет раскапывать, Ноа не знала. Хотя и вся экспедиция была обречена на провал, глупо верить, что здесь, на севере страны возродились вдруг давно вымершие гигантские птицы, в современном мире им просто не нашлось бы места. Глубоко внутри себя Ноа признавалась, вероятной целью экспедиции был небольшой отпуск вдали от университета, денег на исследования практически не выделили, инструментов никаких, группа совсем маленькая, но тогда немного странным казалось присутствие здесь Абеля, не просто присутствие, а руководство.

Мысли об Абеле всегда вызывали в Ноа целый всплеск чувств, главными из которых были возмущение и восхищение. Возмущали ее его человеческие качества, он был весьма циничным, выдавая свое человеконенавистничество за практичность, его взгляды на мир напоминали взгляды джентльмена конца девятнадцатого века. Например, однажды во время беседы с уважаемыми профессорами на одной из конференций был поднят вопрос о жителях индейских гетто.

– Свобода и порядок их развратила, – заметил Абель. –
Времена, когда они были рабами, не так уж плохи, да им приходилось тяжело работать, но не было пьянства, за ними присматривали, не было разгула преступности. Я отвергаю любую теорию об интеллекте людей в зависимости от расы, но вдумайтесь, ведь есть еще менталитет, культура, и что лучше для них, свобода или тюрьма?

Он говорил это, покачиваясь на кресле, покуривая трубку, дым которой задерживался в его никотиновых усах. Профессора глядели на него напряженно, повисло молчание. Ноа сидела рядом с Абелем тогда и жалела, что земля под ней не расплавилась и она не провалилась куда подальше от того места.

Должно быть из-за подобных слов и мыслей Ноа начала презирать в Абеле все. Усы, небрежную прическу, трубку, даже манеру одеваться, всегда вызывающе, как щеголеватый денди, а иногда как расхититель гробниц. "Отчего же ты не можешь одеть простой скромный костюм, когда всего лишь идешь на свои лекции?" – порой думала Ноа. А еще она ненавидела то, как много людей стремились завести с Абелем хорошие отношения, как влюбленно смотрели на него многие женщины, и как он отвечал, например, на флирт студенток, будучи женатым, хоть недавно его жена все-таки подала на развод, не выдержав количества измен.

Другое чувство, восхищение, сменяло ненависть, когда Ноа думала о научной деятельности Абеля. К тридцати че-

тырем годам он построил безупречную карьеру профессора по орнитологии, его исследования были посвящены древним нелетающим птицам, а самым громким событием, связанным с его именем, было обнаружение нескольких скелетов *Titanis walleri* в одной из пустынных пещер в глубине запада. Все, за что бы он не брался, оканчивалось положительным результатом, вот поэтому Ноа и удивилась, когда он взялся за эту историю с птицами Келенкен, якобы живущими в здешних лесах у озера и поднимающимися к городу вместе с туманом. И когда он предложил ей участие, она согласилась. Она была старшим научным сотрудником, имела докторскую степень и хотя ее исследования касались птиц ныне живущих, иногда Абель приглашал ее для участия в своих проектах, а на этот раз сказал, что без нее результата не будет вовсе.

"Самомнение, мой порок" – шепнула себе Ноа, когда они разгружали машину. Два домика стояли на берегу, был уже вечер и от зеркальной глади озера веяло холодом. Хотелось скорее занять себе местечко в доме, помыться и прилечь на чистые простыни после утомительной дороги, и хотелось еще посмотреть на природу вокруг. Солнце едва окрашивало каемки облаков закатным свечением, но в тихом накатывании волн на берег это свечение набирало магический блеск.

– Этот берег закрыт для местных, тут только туристы, – сказал Абель.

Он подошел так, что Ноа, увлеченная закатом, застывшая

с кипой книжек в руках и дорожной сумкой за спиной, его не заметила.

– Представляешь, я читал, что они объявили эту зону природоохранной и всех местных, кто разводит тут костры, они арестовывают. А нам можно будет, потому что мы заплатили за эти два домика и зрелище восходящих по птичьей трапе Келенкенов.

– Келенкен, – поправила она. – Значит, ты уверен, что это всего лишь приманка для туристов, как Лох-Несс?.. Но ведь мы не живых птиц ищем?

– Ты права. Я не озвучивал это при всех, но когда позвал тебя, рассчитывал, что ты поймешь все сама. Конечно, эти местные дельцы раскопали где-то захоронение Келенкен... – на холмах по дороге, далеко от них замаячили фары второй машины и Абель на миг прервал свою речь, – я расскажу тебе позже, Ноа, расскажу тебе все, как есть. А пока пойдем занимать комнаты получше. Тут два дома, один пусть будет женским, во втором разместимся мы с Тео.

Сонливая Лорена успела уже занять одну из двух комнаток женского дома и теперь ее песни из душевой омрачали настроение Ноа. "Сколько придется мне прожить с этой глупой курицей?" – ругалась Ноа про себя.

Она разложила книги на полу у тумбочки, внутри которой было всего то две полочки под документы, бросила к шкафу дорожную сумку и первым делом застелила свое белье поверх того, что было уже на кровати. С виду чистое, но в

таких домиках всегда на кроватях что-нибудь присохшее и еще бывают клопы. В доме еще была кухня, но есть Ноа не хотелось, а еще ей не хотелось, чтоб кто-нибудь разбудил ее, если вдруг будет общий ужин. Она сменила дорожную одежду на мягкие спортивные штаны и футболку и легла на кровать. Голос Лорены, прежде нервирующий ее, превратился в монотонное гудение и Ноа заснула.

– Дура, ты что наделала?! – закричала Лорена и Ноа подскочила на кровати.

– Не беси меня! – кричала в ответ Шейла.

Ругань доносилась до Ноа из-за стенки.

– Отпусти! Я все равно не отдам!

– Ну и вали!

Громкий удар по полу, и снова кричит Лорена, теперь в ее словах больше брани, и "дура", самое мягкое слово. Через несколько секунд в дверь постучались.

– Войдите, – ответила Ноа, сама не зная зачем, сжав кулаки. Это была Шейла, лицо ее покраснело, но всем видом она старалась высказать спокойствие.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответила Ноа.

– У этой дуры номер для двоих, – слегка задыхаясь, начала Шейла.

– Так...

– И она зачем то положила оба матраса на свою кровать...

– Что? – Ноа, все еще сжимая простыню в кулаках, нервно усмехнулась.

– Вот. Я зашла расположиться в номере. В нашем доме так – две комнаты, одна вот эта ваша одноместная, вторая двухместная, и эта...

– Лорена... Она наш химик кстати...

– Да?.. Она стянула матрас со второй кровати и положила на свою два, потому что ей жестко видите ли... А на моей только сетка и та вся расцеплена...

– Расцеплена? Скакали на ней что ли?

– Да, в таких номерах как раз скачут...

Они обе замолчали. Ноа прежде лишь пару раз пересекалась с Шейлой, но знала, что университет награждал ее за научные достижения. Шейле не было еще тридцати, она была невысокой брюнеткой с темной кожей и зелеными глазами, кажется ее родители приехали с востока... из Ирана?

– Что ж, у меня в комнате немного места, но нам хватит, – сказала Ноа. – Пойдем, перетащим сюда эту поломаную кровать и заберем твой матрас.

– Не хотелось бы мне идти к этой бешеной... Кажется, я ее нечаянно толкнула...

– И где же ты будешь спать?

Шейла прикусила губу.

– Пойдем к Абелю, – сказала Ноа, почувствовав, как на ее щеке сжимается удавка чужой проблемы.

Спустя час причитаний со стороны Лорены, не желавшей все же ругаться с Абелем, произошел обмен комнатами и Ноа вместе с Шейлой разместились в двухместном номере. Вечером на площадке между домами, у беседки в обложенном камнями кострище развели огонь. Лорена, поглядывая на Ноа и Шейлу, сообщила Абелю, что дорога ее слишком утомила, завтра она будет работать как профессионал, а потому от веселья отказывается.

Абель и Тео съездили в город и привезли мяса и пива.

– Тропу открывают для туристов только после того как рассеиваются туманы. Правительство отказало мне в специальном доступе, придется с туристами исследовать тропу... Что ж, мы все же докопаемся до тайн, которые хранит эта природа, но завтра утром выспитесь как следует... – Абель поднял в руке открытую бутылку пива, – Так что выпьем за хорошее начало экспедиции и хороший сон!

– Хорошее начало, – скривилась Ноа, отпив глоток пива. – Все же нехорошо мы поступили с Лореной.

– А она с нами? – спросила Шейла.

Абель включил в машине музыку и под сочное мясо и алкоголь принялся рассказывать Тео о своих приключениях, а недавний студент ловил каждое слово своего учителя.

Ноа и Шейла обсуждали экспедицию:

– Ты веришь во все это? – спрашивала Ноа.

– А это не глупо по твоему? Просто верить? – отвечала Шейла.

– Я не религиозный человек, – пожимала плечами Ноа.

Разговор их свернул к теме создания мира и Шейла предположила, что если бы бог все же существовал, все вокруг было бы компьютерной программой, а боги – не самыми умными программистами. После этих слов она глянула на мужчин, удостоверилась, что они совсем пьяны, и придвинув поближе к Ноа свое плетеное кресло, прошептала:

– Ты ведь понимаешь, почему Абель сюда приехал?

– Он хотел мне что-то сказать, но не успел.

– Не верь ему, вот мой совет. Я знаю, он считает всю эту туристическую историю глупостью, но ты же понимаешь, что местные не просто так выбрали именно Келенкен? Он знает причину почему, но правды не скажет. А вот как по твоему он нашел ту пещеру с *Titanis walleri*?

Ноа пожала плечами.

– Черный рынок, – шепнула Шейла и лицо ее покрылось тенью Абея.

Он слегка покачивался, на лице его светилась неприятная улыбка:

– О чем ты, Шейла?..

Крик ужаса прервал его. Несколько секунд все глядели друг на дружку, пока Абель не крикнул Тео заглушить музыку. В возникшей тишине дверь женского дома распахнулась и на пороге появилась Лорена. Глаза ее округлились, она стояла в одной ночнушке, а в дрожащей ее руке было большое, темного цвета перо.

– Кто-то был в нашем доме, – выговорила она.

Ноа проснулась с рассветом. В затылке неприятно гудело от вчерашнего, а еще в голове крутились сценки из сна. Ей снилось, как возле дома все бродит кто-то, все спят, а она одна видит тень чужака, но сказать ничего не может, рот ее словно сросся. А потом во дворе зажигаются фонари и в их свете видится ей старуха в просторном белом платье, но вместо рук у старухи мерзкие скрюченные птичьи когти, а лицо ее медленно обрастает клювом...

Ноа осторожно приподнялась на кровати и выглянула. Все покрыто туманом, идущим с озера. В этом тумане, как утверждает туристический бюллетень, и прячутся птицы. Но сейчас в нем виднелась лишь одна фигура и сперва испугавшись, Ноа все же узнала в этой фигуре Абея.

После вчерашнего происшествия мужчины остались сторожить снаружи у женского дома. Спать было страшно и полночи все только и обсуждали, кто мог оставить перо. Лорена призналась, что нашла его на постели Ноа, а в комнату она зашла как-будто просто извиниться. Говорила она, с трудом подбирая слова, Шейла ей не поверила, но Ноа уговорила ее извиниться в ответ. После всеобщего обсуждения в полицию решили не обращаться, из-за одного пера никто охрану к ним не приставит и дела не откроет. А вот менеджеру отеля Абель обещал позвонить на следующий день. Ближе к рассвету девушки уснули.

Ноа посмотрела на телефон и обнаружила, что проспала всего то полтора часа, время близилось к шести утра. Накинув куртку поверх пижамы, Ноа вышла наружу. У дверей дома в плетеном кресле, свернувшись, как смог бы только очень худой человек, спал Тео. Абель глядел в бинокль в сторону птичьей тропы. На поясе его висела кобура.

– Абель, – тихо позвала Ноа.

– Да?

Глаза его были красными, лицо немного опухло, кажется он совсем не спал этой ночью. Ноа подошла к нему.

– Вы с Тео так и не менялись дежурством?

– Попробуй разбуди его, – улыбнулся Абель. – Остальные будут спать еще долго... Не хочешь прокатиться?

– К тропе? Туда же нельзя. Там наверно дежурит полиция...

– Нет. Когда мы заезжали в город, я видел несколько круглосуточных кафе. Позавтракаем. Я плачу.

Через полчаса они уже сидели в пустом и залитом холодным рассветным солнцем кафе. Ноа теперь была в своем походном джинсовом костюме, волосы она спрятала под бейсболку, несколько раз почистила зубы, чтоб избавиться от неприятного привкуса во рту, и как следует надушилась туалетной водой с нотками морского бриза. Абель был все в той же одежде, в которой приехал вчера, глаза его казались уставшими, но лицо уже не было таким опухшим, а одежда выглядела чистой и не слишком помятой. Некоторое вре-

мя они молчали, в ожидании заказанных блинчиков с кофе. Старая уборщица мыла полы, пахло хлоркой.

– Как ты справляешься с похмельем? – спросила Ноа. – Голова так и трещит.

– Никак, – пожал плечами Абель. – Но сегодня ничего серьезного я не планирую, будет время выспаться. План такой, изучаем тропу и смотрим, к чему это нас приведет. Я лично думаю, что ни к чему, но будем отсеивать версии начиная с верхушки айсберга.

– Ты так и не объяснил мне...

Официант принес им заказ. Кофе отдавал пережаренными зернами, а вот блинчики были свежими и пышными, и малиновый сироп был в меру сладким. Абель заказал такой завтрак и для остальных, попросив завернуть его с собой.

Отпив кофе, он заговорил тише прежнего:

– Не я придумал эту экспедицию. Ко мне обратился президент университета, но говорил он не от своего имени. Он рассказал, как один влиятельный господин заказал у него экспертизу костей животного происхождения. Этим костям было больше 15 миллионов лет... – Абель перешел на шепот. – Экспертиза была проведена в нашем университете, конечно, подпольно. Президент сказал мне, что человек с костью известный коллекционер, и что кость досталась ему не в ту цену, которую она по его мнению стоит. Он мог бы легко продать ее и сделать хорошие деньги, но ему нужен полный скелет и продавать этот скелет он никому не собирается. Он

сделал нашему президенту предложение, и тот согласился.

– Что за предложение? – спросила Ноа.

– Коллекционер назвал президенту место, откуда, как ему удалось выяснить, были вывезены кости. Взамен мы обязуемся достать ему полный скелет Келенкена.

Ноа задумалась.

– *Titanis walleri*, – сказала она. – Тогда все было так же?

Абель отодвинулся к своему прежнему месту.

– Тогда все было иначе, – ответил он. – Мне повезло, но я пообещал больше не рисковать так научными открытиями.

– Ты о чем?

– Перо, – сказал Абель и осмотрелся по сторона, отпивая кофе. – Ты думаешь, кто его подкинул?

– А ты знаешь?

– У меня есть две версии. Может быть это местные так развлекаются, решили напугать нас. А может быть это люди коллекционера оставили мне свое напоминание, чтобы было поменьше разных мыслей... Сама думай, какая версия правдоподобней.

Ноа взглянула на блинчики, но есть ей теперь не очень хотелось.

– Как было в тот раз? – спросила она.

– Такая же наводка, как и теперь. Те же требования. И люди, следившие за каждым моим шагом. Случайный прохожий толкает тебя в плечо, извиняется, а потом шепчет на ухо время и место. Ты должен прийти туда и отчитаться, что

ты уже нашел, и каковы шансы на успех перед связными коллекционера. Сама понимаешь, кем были эти связные. В прошлый раз я играл по их правилам и мне повезло, что мы нашли четыре *Titanis walleri*. Три достались университету. Если бы мы нашли лишь один, университет не получил бы ничего.

– А что теперь?

Абель промолчал, глядя на старуху уборщицу, подошедшую мыть полы у их столика. Ноа собралась с силами, нарезала оставшиеся блинчики и приступила к их съедению. Когда тарелка была уже почти пуста, старуха удалилась.

– Президент доверил мне это дело, но не доверил состав экспедиции. В прошлый раз я полагался на людей, собранных им, но понимал, что и среди них есть шпионы. На этот раз он спросил, кто мне нужен. Я сказал, что мне нужны будут люди с знаниями в археологии и орнитологии. Больше никого. На следующий день он показал мне список. Тео, Лорена и Шейла. Парнишка, едва окончивший учебу, по его мнению был достойным орнитологом, прекрасно разбирающимся в происхождении костей, Шейла поможет мне распознать места раскопок, а Лорена обладает достаточными знаниями в химии, если вдруг возникнут такие вопросы. К чему мне Лорена, я не понимал, Шейла весьма опытна и ее кандидатуру оспорить сложно, а вот Тео я попытался заменить. Не вышло, но в итоге президент пошел на уступки и я смог пригласить тебя... Сейчас я могу верить только тебе.

Ноа смотрела ему в глаза. Кружка с кофе остановилась на полпути, едва прикоснувшись к губам.

Абель продолжил:

– Тео... о нем я даже не собираюсь говорить. Лорена выглядела вчера испуганной, но ей было проще других подобрать перо. Если только ей хватило бы ума сыграть такое... Шейла... Что ты о ней скажешь?

Ноа поставила кружку, так и не сделав глоток. Посмотрела в нее. Один лишь кофейный осадок, сбившийся в молчаливые фигуры.

– Шейла говорила не верить тебе, – произнесла она чужим голосом.

– Да, – хмыкнул Абель. – звучит подозрительно, верно?

Они забрали пакеты с завтраком для остальных членов экспедиции, сели в машину и отправились к озеру. Время еще было ранее и птичья тропа была закрыта. Всю дорогу они молчали. Ноа смотрела в окно, размышляла, как ей теперь общаться со всеми, что говорить. В отражении она видела Абеля, за карманом его куртки у пояса топорщился пистолет.

Когда они прибыли к гостевым домам, все та же утренняя тишина встретила их. Тумана теперь было еще больше, дальше пятнадцати шагов земли уже не было видно. Возле дома виднелась чья-то фигура.

– Зря мы оставили их одних, – шепнула Ноа.

– Это Тео, – спокойно ответил Абель, выбираясь из машины.

Они забрали завтрак и пошли к женскому дому. Абель махнул рукой, но таинственная фигура, не ответив, растворилась в тумане. Когда они подошли ближе, оказалось, что Тео все так же спит у дверей.

– Проклятье! – выругался Абель.

Едва он потянулся к поясу, женский голос окрикнул его:

– Руки вверх!

Это была Шейла. Она появилась из тумана. В руках ее был пистолет.

– Это вы? – удивилась она.

– А кто же еще! – нервно крикнул Абель.

– Шейла, что ты делаешь? – спросила Ноа. – И откуда у тебя оружие?

– Это не настоящий, – Шейла отдала Ноа пистолет.

Он был деревянный, покрыт лаком и плоский с одной стороны. Шейла постучала в дверь и крикнула:

– Лорена, все в порядке! – а потом стала объяснять. – Я проснулась, тебя нет, Лорена спит. Вышла наружу, у дверей храпит Тео, а потом я услышала, как шелестит трава, как будто ходит кто. Я попыталась растолкать Тео, ничего не вышло, а шум был вокруг дома и я спряталась внутри. А потом я стала искать, чем бы защититься. Я разбудила Лорену. Мы сидели внутри и боялись каждого шороха, но долго так ждать было невыносимо, поэтому мы разделились и я нашла

в доме этот деревянный пистолет...

– А если бы я был бандитом с настоящим пистолетом? – спросил Абель.

– Не знаю, – почесала голову Шейла. – Я надеялась, что это вы, но если нет, на шум выскочила бы Лорена или Тео проснулся... А что ты предлагаешь, не действовать?

– Не злить грабителей, по крайней мере.

Дверь дома открылась. Лорена осторожно выглянула наружу, в руках она сжимала кухонный нож.

Тео все не просыпался. Ноа потрогала его лоб, кожа была ледяной, а на висках холодный пот. Абель отнес его в дом. Тео раздел и уложили под одеяло. Когда Ноа и Абель уже уходили из комнаты Тео, он проснулся, посмотрел на них безумными глазами и зашептал:

– Птицы... птицы.. птицы!..

Он вскочил на кровати, еще миг лицо его озаряло безумие, но вот брови свелись, крик вновь превратился в шепот, а потом Тео и вовсе замолчал, удивленно разглядывая своих товарищей.

– Что случилось? Они нападали на нас?

– Кто они? – спросил Абель.

– Птицы... они снились мне... птицы кругом, страшные, вонючие птицы... ненавижу их!

Он вскочил с кровати, в одних трусах подбежал к окну:

– Их нет? Их правда нет? – спрашивал он, тяжело дыша.

– Правда, – ответил Абель, в голосе его читалась злость.

Ноа отошла к дверям.

– Тебе лучше лечь, Тео, – сказала она.

Ей и раньше приходилось видеть людей в белой горячке, но было это давно, в детстве и тогда пьяницу удерживали несколько человек, пока он не успокоился.

Тео схватился за волосы, глядя в окно:

– Туман... они могут быть там!

В несколько шагов запрыгнул он обратно в кровать, обернулся одеялом до самого носа. Глаза его теперь выражали испуг:

– Вы ведь не уйдете? – спросил он жалобно. – Вы не бросите меня одного? Я не хочу быть съеденным птицами...

– Ноа, – сказал Абель, не поворачиваясь к ней, глядя на Тео, – иди к себе. Я останусь с ним.

Было уже девять утра и туман начал рассеиваться. Ноа сняла кроссовки и подошла к самой воде, волны накатывали, едва касаясь ее пальцев, вода была очень холодной. "Кому мне верить?" – спрашивала она себя. – "Я давно знаю Абе-ля... Лорена, я знакома с ней несколько лет, блондинка, ко-торая хочет всем нравиться, но что у нее на уме?.. Тео? Ра-ботаи он на мафию, напился бы он так?.. Шейла с деревян-ным пистолетом... зачем?"

Ее мысли прервала Лорена:

– Не стой там так, заболеешь! – крикнула она.

Ноа одела обувь и подошла к ней.

– Мы разогрели там блинчики... а ты уже завтракала? С Абелем? – спросила Лорена.

– Да. Мы ездили в город.

Лорена покусала губу:

– А как Тео? – спросила она. – Абель с ним?

– Они в своем доме. У Тео горячка, надо кому-нибудь побыть с ним, хотя бы пока он не уснет. Абель присматривает за ним.

– Ох, Абель, он и сам наверно совсем не спал. Беспокоится о нас, привез завтрак... Я пойду помогу ему.

Лорена ушла в мужской дом, а Ноа отправилась к себе. Кому-то все же придется съездить осмотреть эту птичью тропу, пока туристы там все не истоптали. Похоже это будут они с Шейлой.

Шейла была на кухне, сидела за столом и завтракала.

– Присоединяйся, – сказала она. – Лорена уже позавтракала, тут мне и тебе хватит.

Ноа налила себе кофе и села за стол.

– Безумный день, правда? – начала разговор Шейла.

– Угу, – кивнула Ноа, подбирая слова. – Помнишь, ты вчера говорила мне про Абеля и цель экспедиции...

– Да, помню. Ну ты сама подумай, как это глупо было бы, выделять деньги на проверку туристической приманки? Но это тоже кстати возможно, если на самом деле окажется, что экспедицию финансировали местные бизнесмены, чтоб при-

влечь еще больше внимания. Тогда думаю, в какой-то момент на нас выйдут журналисты, а с другой стороны, если мы ничего не найдем, как это обернется для местных?

– А тебя Абель пригласил сюда?

– Нет, – не задумываясь, ответила Шейла. – Это все руководство университета. Кстати, меня редко к себе приглашает президент, а тут позвонила его секретарша, сказала, что президент хочет меня видеть. Я пришла, он порасспрашивал, как у меня дела, чем именно занимаюсь, а потом сказал, что есть такая интересная возможность и развеяться и поработать. Моя цель здесь найти места раскопок, вот и все. Знаешь, когда делают археологические раскопки, даже если это не профессионалы, они все равно будут делать все аккуратно. Для этого нужно снимать землю слоями, а не копать яму, как обычно. Конечно, если они все закопали, то найти будет сложнее, нужно будет найти границу раскопок, где свежая земля касается окаменелых слоев, идущих ступеньками вниз...

"Какая же она болтливая" – заметила Ноа. – "Или она хочет казаться такой простоватой?.."

– Ты говорила, что у тебя две версии о целях экспедиции, – напомнила Ноа.

– А? Да, – вспомнила Шейла. – Первая мысль у меня была такая. Президент пригласил меня по запросу местных, которые все и оплачивают, чтоб поднять шумиху по поводу экспедиции. А вторая вот какая. Видишь ли, много костей уте-

кает на черный рынок, об этом полно слухов, но конечно, такие большие знаменитости научного мира, как Абель, знают об этом всем чуть больше слухов. Я про него много чего слышала, что он общается с такими людьми. Говорят, разные там коллекционеры на него выходят постоянно. А я думаю, они могут работать по обмену. Вроде, мы вам, а вы нам. Мы указываем вам место, откуда на черный рынок попадают кости, вы делаете свои научные открытия, но парочку костей даете нам в откуп.

– Никогда ни о чем подобном не слышала, – сказала Ноа.

– Потому что ты орнитолог. А я занимаюсь археологией уже десять лет и с разными людьми общалась по всему свету. В некоторых странах покупатели общаются со специалистами напрямую... Не уверена, что у нас это возможно, но через меценатов, которые в тайне копят коллекции костей, да, думаю так это возможно. И Абель, у него много самых неожиданных находок было, и про него я слышала, что у него такое общение есть. И вот моя вторая версия, как эта экспедиция была придумана. Абелю ее оплатили коллекционеры.

Блинчики заканчивались. Ноа подлила еще кофе себе и Шейле.

– А тебе никогда ничего такого не предлагали? – спросила Ноа.

– Нет, – ответила Шейла. – Нужно искать разный заработок, вертеться в кругах... Не такого я ума человек, у меня бы не получилось... Кстати, как там Тео?

"Забавно, что ты только сейчас о нем вспомнила, когда еще час назад бегала вокруг дома с деревянным пистолетом... Почему ты такая спокойная?" – подумала Ноа.

Они услышали, как открылась дверь дома.

– Не бойтесь, это я, Абель, – отозвался руководитель их экспедиции.

Вскоре он появился на кухне.

– Все уже съели? – усмехнулся он, глядя на пустые тарелки.

– Мы как раз говорили о Тео, – сказала Ноа. – С ним все хорошо?

– Он уснул. Да, не думал, что парень так слаб к алкоголю... можно? – кружек больше не было и Абель попросил отпить кофе из кружки Ноа. – Вот это кофе, не то что мы пили в той забегаловке. Тео спит, а Лорена сказала, что посидит с ним, что кстати очень мило с ее стороны. Мы с Ноа съездим к тропе. А с твоей стороны, Шейла, будет неплохо остаться помочь Лорене.

– Угу, – кивнула Шейла, одними губами проговорив, – не переносу эту блондинку.

Когда они прибыли, было уже десять утра и птичья тропа вот вот должна была открыться для туристов. Располагалась она параллельно новой дороге от озера к городу, по которой приехала экспедиция, но чуть дальше на север. Некогда в этих краях жили одни лишь индейцы, селились они, как

и теперь, возле озера, а вверх на холмы, где позже отстроили город приехавшие из-за моря европейцы, была проложена дорога из камней. Теперь эта дорога считается историческим достоянием, как и останки каменных строений индейцев у озера. Несколько раз дорогу закрывали на реконструкцию, подводили к ней туристические маршруты, но в здешние места приезжало мало любителей культуры индейцев.

Начиная с прошлого лета тропа называется птичьей, на утро ее закрывают для посетителей, до тех пор, пока не рассеиваются туманы. После этого предлагается спуститься по тропе от города к озеру, разглядывая свежие огромные когтистые следы. Как утверждает туристический бюллетень, следы принадлежат птицам Келенкен, живущим где-то у воды и выходящим на охоту, скрываясь в тумане. У подножия тропы туристы могут купить индейских безделушек и подняться пешком обратно, либо дождаться автобуса, который провезет их через индейскую резервацию к ныне действующей дороге от озера к городу. В прошлом году на зиму тропу закрывали, объяснив это нехваткой бюджета для расчистки снега.

День выдался душный, небо заполонили низкие темные тучи. Кажется, вскоре должна была начаться гроза, а сейчас воздуха не хватало. У вершины тропы к десяти утра уже стояла очередь из туристов, щелкающих фотоаппаратами, споривших, смеющихся, создающих неприятный для людей с

похмельем, шум. Через десять минут стояния в очереди Ноа почувствовала как начинает задыхаться.

– Как ты? – спросил ее Абель.

– Все в порядке, – ответила она.

Но с каждой минутой становилось только хуже, голова закружилась и Ноа периодически сильно сжимала глаза, чтобы мир вокруг нее вращался помедленнее.

Наконец, полиция открыла тропу и люди начали спускаться, азартно разглядывая землю вокруг в поисках следов. Как утверждает туристический бюллетень, не каждое утро выдается удача отыскать свежие следы, зато ближе к озеру есть глинистые участки, на которых уже давно запечатлелись несколько силуэтов птичьих лап.

По небу прокатились раскаты грома, туристы заговорили еще громче, кто-то даже закричал, а Ноа почувствовала горький привкус на губах. Они спустились уже до середины тропы, но следов никаких не было. Воздух стал еще более вязким и душным и Ноа поняла, что толку от нее никакого не будет.

– Я не могу больше, – сказала она Абелью. – Я пойду обратно, а ты, если дойдешь до застывших следов, ты же знаешь, измерь их, углубления, силу нажима...

– Я знаю, знаю... Но погоди, мы уже прошли полпути, может быть передохнем и поглядим, станет ли тебе получше?

По дороге вниз Абель высматривал на обочинах палатки с водой, но почему-то прошел мимо первых нескольких, пока

им не попался тенистый тент. Ноа села на скамейку, пощупала лоб, холодный и влажный, как у Тео. Абель куда-то исчез, а рядом с ней появилась старушка из индейского племени. Одета она была не как другие индейцы, спующие вдоль птичьей тропы, вместо народных одеяний на ней был спортивный костюм. А лицо показалось Ноа знакомым.

– Это вы? – спросила она, присаживаясь рядом с Ноа. – Это же вы больны?

– Что? – по вискам Ноа побежал пот, едва она села, дышать становилось труднее.

– Не волнуйтесь, – старушка достала из сумки пластиковую фляжку. – Вот, выпейте.

– Что там? – Ноа взяла фляжку и понюхала горлышко, пахло мятой.

– Это снимет боль и голову перестанет кружить...

Раздался гром и в висках загудело. Ноа прищурилась от боли и сделала маленький глоток. Жидкость была прохладной и мягкой, как жирное молоко, сладкой. Когда Ноа открыла глаза, шел дождь и на тропе уже почти не было людей, туристы спускались к берегу, где их ждал автобус.

– Мне тоже надо идти, – сказала Ноа.

– Нет, – старушка схватила ее за плечо. – Никуда вы сейчас не пойдете. Тропа вся мокрая и легко поскользнуться. Вам нельзя спускаться одной.

Ноа решила, что старушка права. Нужно дождаться Абе-ля. Она достала телефон и стала искать его номер. Нет связи.

Новые раскаты грома, дождь заколотил по крыше сильнее, настолько плотный, что не видно уже окончания тропы, но кажется, автобус уехал.

Поднялся сильный ветер и капли дождя заносило под тент, джинсовая куртка Ноа промокла. Она обхватила себя за локти, собирая остатки тепла, а старушка на несколько минут исчезнув, вновь появилась рядом с ней. В руках у старушки был сверток полиэтиленовой пленки.

– Пойдем ко мне, девочка, тут недалеко. А то совсем озябнешь, пока ждешь своего мужчину.

– Не надо, – сказала Ноа дрожащим от холода голосом.

Но старушка и слушать ее не стала, подхватила за плечи и потянула за собой, накинула пленку на Ноа, как плащ и повела за руку по заросшему склону тропы, через высокие, словно деревья, кустарники, на территорию индейцев, куда нельзя попасть туристам.

"Как меня найдет Абель?" – говорила себе Ноа. Но все шла за старушкой, словно стала безвольной, а дождь становился сильнее с каждым шагом и Ноа перестала понимать, как далеко отошли они от птичьей тропы, все только смотрела под ноги, чтоб не упасть. Наконец, остановилась старушка и Ноа подняла глаза. Перед ними был небольшой деревянный дом, кустарники росли почти вплотную к нему, а вокруг деревья и нет ничего больше, один лишь этот дом посреди леса, домик ведьмы.

Внутри было темно и пахло сыростью. Старушка разожгла

масло в светильнике, насыпала из мешка сухих углей в печку, и капнула на них горящим маслом. Запахло дымом, но зато дом стал прогреваться и старушка поставила чайник. Ноа все это время стояла у дверей, не зная, куда бросить мокрую пленку.

– Да присаживайся уже, – сказала ей старушка. – Меня зовут Рут, вот, забыла представиться.

– А меня Ноа.

– Да, – кивнула старушка. – Знаю.

Ноа выглянула в окно. Дождь превратился в ливень, а в лесу вокруг стало темно.

– Откуда вы меня знаете? – спросила Ноа.

Головная боль прошла, на смену ей появилась простуда. Старушка не отвечала, как-будто не расслышала ее, ворошила угли в печи, борясь с огнем, который потрескивал все сильнее. Глаза Ноа начали слипаться. "Который сейчас час?" – спросила она себя и подглядела на телефон, но теперь он не включался вовсе, разрядился, а за окном стало еще темнее, как будто наступил уже вечер.

Старушка поставила рядом с Ноа небольшой стульчик.

– Снимай ка свою куртку мокрую и ботинки, да вот, вытяни ноги на стульчик.

Когда Ноа устроилась, как сказала Рут, старушка накрыла ее пледом и поставила на столик рядом кружку горячего чая и тарелочку с засохшим вяленым мясом.

– Вы заботливая, – сказала Ноа. – Так откуда вы меня зна-

ете?

– Конечно, знаю, – ответила старушка, вернувшись к огню. – Как не знать. Так сказал мужчина, который тебя привел.

– Абель так сказал?

– Абель, да. Он ведь нам помогает, мне помог. А потом он сказал, что тебе плохо. Как могла я не позаботиться о тебе? Ты не беспокойся, он найдет мой дом. Заберет тебя, когда все пройдет.

Ноа снова выглянула в окно. Густая тьма вокруг дома иногда озарялась светом молний. Она допила чай, а старушка все молчала, отвернувшись к огню, было тепло и удобно и совсем не хотелось шевелиться и постепенно Ноа уснула.

Золотистый свет касался ее век, мягкий запах цветов окончательно разбудил ее. Ноа лежала в кровати в комнате, совсем не похожей на ту, где она заснула. Кровать стояла напротив окна и Ноа не могла понять, утро сейчас или вечер, свет солнца на едва колышущихся листьях деревьев угасал, или только разгорался. В комнате было чисто и свежо, у самых ее ног стояли два ведерка с цветами, она привстала рассмотреть их и увидела в углу справа от себя спящего на кресле Абея. От шума он проснулся.

– Что происходит? – спросила Ноа.

Испугавшись, она посмотрела под одеяло, но одежда на ней была, майка и грязные джинсы, в которых она пробира-

лась через дождливый лес.

– К нам... – Абель подыскивал слова. – индейцы были к нам очень любезны... Ты сильно простудилась и та женщина... Рут... когда я пришел к ней, у тебя был жар, ночью ты просыпалась и она дала тебе еще лекарств, а потом мы перенесли тебя сюда...

Ноа пощупала лоб. Холодный. Легкая слабость в теле, но кажется, она чувствовала себя здоровой.

– А как ты меня нашел? – спросила она.

– Я немного знаком с местными... Нет, я не знал дороги до дома старушки, но я знал, что ты осталась с ней, когда я вас потерял. Я спрашивал индейцев и мне показали дом.

– Где ты был вчера? Куда ты исчез, когда я ждала тебя под тентом у Рут?

– Понимаешь... – Абель почесал голову. – Извини, я конечно виноват перед тобой. Но я увидел свежий след. Я не мог... как ученый... но пошел дождь, я должен был осмотреть след, пока его не смыло, а когда я вернулся за тобой, вас уже не было...

– Угу, – задумчиво ответила Ноа.

Она встала с постели.

– Надо найти Рут, а потом поедем...

– Нет!

Абель вскочил с кресла и схватил ее за плечи. Он был очень странным и непохожим на себя, одержимым, глаза его горели, почти как у Тео прошлым днем.

– Мы не можем уйти, – Абель придвинулся ближе, заглянул в глаза Ноа. – Это наш шанс сейчас, все ради чего мы тут.

– Ты о чем? – прошептала Ноа.

Она попыталась вырваться, но Абель держал ее крепко и ей стало страшно.

– Мы вдвоем тут, в индейской резервации, вдали от шпионов коллекционера, – быстро заговорил Абель. – Кто бы не оказался его человеком, Шейла, Лорена или Тео, сейчас они далеко, а мы тут, в резервации. Мы попали сюда, понимаешь? А они далеко. Мы можем найти места раскопок, найти скелеты Келенкенов, и они не будут знать, и мы предоставим все, как есть, научному миру, а потом эта мафия, они уже ничего нам не сделают... Они не контролируют нас сейчас и мы попали туда, куда не могли бы попасть иначе...

Абель отпустил Ноа, и она села на кровать.

– А если я не хочу? – спросила она.

– Тогда валяй, едь к ним... – махнул рукой Абель. – Но ведь я тебя знаю, я знаю ради чего ты живешь.

Ноа опустила голову в ладони, потирая виски.

– А индейцы? – спросила она сквозь пальцы.

– Они думают, что мы простые туристы... Они решили, что мы женаты.

– Что?

Ноа подняла глаза. Абель стоял спиной к ней, у окна.

– Так даже лучше, – сказал он. – Это наша легенда. Если бы они знали, зачем мы тут, нас бы прогнали. Но вчера, ко-

гда я вернулся за тобой, эта старушка Рут почему то думала, что мы женаты, и остальные, кто провожал меня сюда, кто помогал перенести тебя. Я пообщался вчера с индейцами... Так вот, для них мы простые туристы, муж с женой, приехавшие поглядеть на птичью тропу и попавшие в такую вот историю... Они были любезны к нам, а мы...

– И сколько мы тут еще проживем по твоему? Ты думаешь, они очень гостеприимны?

– Нет, но если ты будешь больна, они не прогонят нас.

– Что?

– Тише! Абель отошел от окна. – Идут сюда! Быстрее в кровать!

Ноа повиновалась ему и легла, Абель накинул на нее одеяло и сам сел в кресло напротив.

– И сколько я буду больна? – шепотом спросила Ноа.

– Пару дней, – прошептал Абель. – Дай мне пару дней и я найду место раскопок.

– А зачем мы притворяемся спящими? Они же будут стучать? – спросила Ноа.

– Это вождь индейцев, у него тут ключи от всех дверей. Спи, – с закрытыми глазами тихо ответил Абель.

Дверь дома открылась. Были слышны шаги нескольких людей. Через мгновение в комнате появился индеец лет шестидесяти, высокий и худощавый, на сухом лице от брови и до подбородка вертикальный шрам, а на шее татуировки, цветы и чьи-то имена, из под шляпы вились длинные седые

волосы. Следом за ним вошли двое индейцев лет двадцати.

Некоторое время старик разглядывал Ноа, Абель сидел сжав губы, напряженно глядя на гостей.

– Меня зовут Хинто, – представился старик. – Я вождь живущих здесь людей. А это мои сыновья Макки и Амитола.

– Доброе утро, – кивнула Ноа.

– Как ваше здоровье? – спросил вождь.

– Ничего... слабость по всему телу, – ответила она.

– Мы не любим чужаков, – продолжил вождь. – Но мы не звери, живущие в лесу.

Он замолчал. В глазах его Ноа читала злость и недовольство и ей хотелось признаться, что уйти она может хоть сейчас. "Дурак, Абель" – ругалась она про себя. – "Ведь вождь видит, что я здорова". Но вождь продолжил говорить, и язык его стал мягче:

– Это дом дочери Рут и ее жениха. Это право Рут пригласить вас сюда и мы его уважаем. Но это место... – вождь тяжело вздохнул. – Поправляйтесь скорее.

Он кивнул Абелью, а тот кивнул в ответ и вождь ушел вместе с сыновьями.

Несколько минут Абель и Ноа молчали.

– Мне теперь не выйти из этого дома, – выругалась Ноа. – Дурак, разве не видишь какие они?

– Какие? – усмехнулся Абель. – Спокойней, Ноа, у нас все под контролем. Какая разница, что они будут думать о нас, когда мы найдем Келенкенов?

– Келенкен, – сказала Ноа. – Не склоняй это слово, звучит глупо.

– Ты злишься, я понимаю, – Абель поднялся с кресла. – Что ж, я займусь делом, и обещаю, это не будет длиться долго. К обеду вернусь и принесу поесть... Ноа, мы делаем очень важное дело. Делаем вместе. Не забывай об этом.

Ноа лежала в постели, пока Абель не ушел. Дверь закрылась и в доме стало слышно только ее дыхание и звуки леса. Дом оказался небольшим. Маленькая кухня и там же верстак и шкафчик с пластиковыми бутылками, наполненными загустевшим машинным маслом, уборная и душ, вода в который набиралась в контейнере снаружи дома, спальня, где провела ночь Ноа и еще одна комнатка, поменьше, детская. Здесь была кровать, а на стенах висели пустые рамки для фотографий.

– Дом дочери Рут и ее мужа, – вспомнила Ноа. – Они уехали? Забрали все с собой, а Рут оставили здесь и теперь она живет вдали от всех остальных... некрасиво. Они поссорились?

Из любопытства, что же случилось в семье Рут, Ноа обыскала весь дом и нашла один фотоальбом. Кажется, его просто забыли при переезде, он лежал на полу за шкафом на кухне, обернутый в пленку, всю покрывшуюся затвердевшей пылью, а внутри комки паутины и остатки паука, пустые страницы и несколько выцветших фото. Девочка с мальчишкой,

им лет по шестнадцать наверно, похожи друг на дружку, на одной фотографии они целуются, камеру держали перед собой, так что едва разберешь что на фото.

– У индейцев наверно бывают ранние браки? Или подростки просто веселились...

Ноа листала фотографии и нашла, где они чуть постарше. У мальчишки борода и выглядит он совсем взрослым, а девушка как-будто и не изменилась и у нее виднеется живот.

– Ну да, должно быть это дочка Рут и ее жених.

В дверь постучали.

– Ноа! – послышался голос старушки Рут.

– Сейчас! – отозвалась Ноа и спрятала альбом обратно за шкафчик.

Рут принесла термос с холодным соком из лесных ягод и пластиковый контейнер с рисовой кашей вперемежку с овощами и кусочками твердого мяса. А еще у нее был мешочек с круглым белым печеньем.

– Кушай и лечись, девочка, – сказала Рут. – Вот это печенье, в нем те же травы, что и в напитке, который я тебе вчера дала. Я их заговорила, эти травы, не бойся и ешь, помогут они тебе точно.

– Спасибо.

– Ну а я пойду дальше, дел много.

– Неужели вы одна со всем по хозяйству справляетесь? – спросила Ноа.

– А как же?

Рут вышла наружу, и Ноа поспешила за ней. Домик дочери Рут стоял на склоне холма, а внизу, в долине виднелись дома индейцев, и дорога, по которой перевозили туристов в город. "Значит здесь, в лесу за холмами дом Рут, а еще дальше в противоположную от большого поселения сторону проходит птичья тропа" – догадалась Ноа.

– Я пойду с вами, – сказала Ноа. – Помогу, если можно... Я так быстрее вылечусь, если буду что-то делать. А если лежать все время, то только хуже будет.

– Верно, – улыбнулась Рут. – Хорошо, пойдем со мной. "Индийское поселение далеко", – думала Ноа. – "Оттуда никто не увидит, что я не лежу в постели и не выгонит нас с Абелем за обман".

– Только ты же ничего не ела, – говорила Рут по дороге. – Надо поесть перед работой.

– А я иногда ем только вечером, весь день бывает просижу в университете...

– В университете? – переспросила Рут.

– Ну да... я учительницей работаю, – соврала Ноа.

– А... кажется, твой муж так и сказал.

В доме Рут было много работы. Она сама, хоть и едва разгибалась, стругала толстые ветки ножом, связывала их, а Ноа положила на крышу взамен сломанных. Едва покончили с последствиями грозы, Рут погрузила в тележку пятилитровые бутылки и они отправились к реке за водой. При этом во вре-

мя работы старушка все напевала себе под нос, а когда они шли к реке, расспрашивала Ноа, как они с Абелем познакомились и когда поженились. Набрав воду, они сели у берега, передохнуть перед обратной дорогой, и Ноа решила, что они с Рут достаточно подружились для личных вопросов.

– Неужели вот так и работаете все, без передышки, и никто не помогает? – спросила она.

– А как же, – снова ответила Рут. – Вечером буду шить на продажу туристам.

– Утром к нам заходил вождь Хинто, – сказала Ноа.

– Вождь, – усмехнулась Рут. – Его дед был вождем, а он любит разные фокусы. Любит ошарашить людей, чтобы почувствовать над ними власть.

– Он сказал, что дом, в котором я провела ночь, это дом вашей дочери и ее жениха.

– Верно, – Рут отвернулась и смотрела теперь на воду в реке.

– А... а где они? – спросила Ноа.

– Верно, доченька, – сказала Рут, как будто не слышала вопроса. – Это их дом.

Она встала и пошла грузить воду на тележку. По дороге к дому она шла, склонив голову, уставшая и понурая, и песни она больше не пела.

Когда они подошли к дому, Рут сказала:

– Иди к себе, у меня голова кружиться.

– Хорошо, – кивнула Ноа. – Но... извините меня за во-

прос... про вашу дочь...

– Да прекрати ты! – вдруг крикнула Рут и ушла в дом, хлопнув дверью.

До вечера было еще далеко, а в доме дочери Рут совсем нечем заняться. Ноа нашла несколько книг, но читать их не хотелось. Телефон ее разрядился. Разговор с Рут оставил неприятный осадок, хотелось поскорее забыться, и Ноа решила отправиться на исследования индейской резервации.

Она обошла дом, чтобы убедиться, что вокруг никого. В поселении далеко внизу, у озера, кипела жизнь. Индейцы жгли костры, работали в огородах, а сразу на нескольких домах красили стены.

– Надеюсь, в этом лесу никого я не встречу и все они там, – сказала себе Ноа и отправилась гулять.

Склоны холмов вдоль птичьей тропы заросли старой луммой, на ветвях которой уже темнели ягоды. Вместо травы жесткий, кусающий ноги кустарник, название которого Ноа не знала.

– Удивительно глупо бродить птицам по людной тропе, которая ведет в шумный город, – рассуждала Ноа. – А мысль о раскопках мне и в голову не пришла, как Шейле... если она не шпионка конечно, и что она интересно думает сейчас о нашей пропаже? А я глупая, пошла за Абелем в эту экспедицию ради славы...

Вдали треснула ветка и Ноа пригнулась, оглядываясь.

Блестящие, словно глянцевые, листья лумы шумели на ветру и слышна была перекличка птиц, кажется то лесные вороны, а больше ничего.

– Ради славы, – повторила она. – Ради славы ты с ним поехала, а вот Лорена нет... из-за этого ты ее так ненавидишь? У этой Лорены все мысли на виду, вот она точно не шпионкаааа! – крик вырвался из груди Ноа, когда мир вокруг нее перевернулся.

Петля ловушки затянулась на ее ноге и вздернула, подвесив вниз головой на ветке одного из деревьев, тело понесло словно маятник и Ноа ударилась лбом о гладкую кору ствола лумы. Сердце заколотилось от адреналина, Ноа закрыла глаза, чтобы успокоится.

– Глупая, глупая, глупая, в лес одна пошла, – повторяла она, пока тело ее не перестало раскачиваться и тогда она открыла глаза, дышать было тяжело, и кажется, по лбу на волосы стекала горячая кровь. – Вот сейчас придут волки, или индейцы, или индейцы оборотни.

Она нервно усмехнулась, пошевелила ногой, но делать это было непросто, нога начала отниматься, а веревка была крепкой и не рвалась. Ноа попыталась дотянуться до кроссовка на перетянутой веревкой ноге, развязать шнурки, но ничего не вышло, да и петля держалась не на кроссовке, а на щиколотке. Вокруг веревки кожа стерлась до крови, а Ноа ничего не чувствовала до самого бедра.

– Лишь бы нога была целой, – шептала она.

С каждой минутой сил становилось все меньше. Тело ниже бедер немело, а выше наливалось кровью и шевелиться становилось все тяжелее, в ушах появился неприятный шум. Ноа попробовала раскачаться, чтоб схватиться за дерево. Ствол был очень гладкий, пальцы соскальзывали и ухватиться не получалось. Со второй попытки Ноа обхватила дерево руками, уперлась лбом и попыталась, прижимаясь к дереву, вскарабкаться по стволу выше, но пальцы вновь соскользнули и раскачавшись с большой амплитудой, Ноа вновь ударилась о ствол, теперь уже плечом. Новый виток, Ноа выставила вперед ладонь, чтобы предотвратить удар, услышала хруст пальцев, но совсем не почувствовала. Раскачивания становились медленнее. Правая рука слегка дрожала ближе к ладони, но боли не было.

– Кровь приливает в голову, – сказала она себе. – Надо кричать, пускай приходят хоть индейцы... скоро я потеряю сознание, надо сейчас...

Но она все не решалась, а время шло. Или кровь попала ей в глаза, или уже был вечер, листья вокруг покрылись золотым свечением и Ноа догадалась, что уже отключалась и совсем этого не заметила. Во рту теперь было сухо. Она попробовала позвать на помощь, но крик застрял в горле, тихий и скомканный. Она покачала головой и почувствовала, как странно теперь двигается, словно лицо разделилось на несколько существующих отдельно частей, глаза двигались быстрее всего остального, кожа стала бесчувственной и тя-

желой. Попавшей в ловушку ноги она не чувствовала вовсе, только холод шел от нее по всему телу.

– Не знаю, совсем не знаю что делать, – шептала она.

Свет солнца тускнел от каждого моргания.

– Сколько раз я теряла сознание? – спросила себя Ноа, когда вокруг стало совсем темно.

Небо еще было светлым, но лес под слоем ветвей и листьев уже погрузился в ночь и Ноа услышала как воют волки. Вокруг глаз нервный тик, холодно, губы дрожат, несколько раз случайно Ноа их прокусила, но боли не было, только привкус крови и ощущение свежей влаги на лице. Запахло сырым озерным ветром, листья кустарников перед глазами Ноа заблестели луной, и стали слышны хищные крики сов.

– Они кричат лишь когда видят добычу, – вспомнила Ноа. – Когда собираются убить.

Крик раздался совсем близко и Ноа закрыла глаза, готовясь к смерти, как вдруг ее обхватила чья то рука и бесчувственная, налитая кровью ее нога, освободившись, сжалась в колене и ударила ее же в живот.

– Спокойней! – сказал знакомый голос.

Ноа успела открыть глаза и увидеть, как все вокруг завертелось, прежде, чем она оказалась на земле. Над головой ночной лес и улыбающийся Абель.

– Не ожидал, что ты такая тяжелая, – усмехнулся он. – Чувствуешь ногу?

– Нет, – сказала она, плача и улыбаясь.

– Погоди, – на лице его появилась обеспокоенность.

Он закатал джинсы Ноа выше колена на поврежденной ноге.

– Вся белая, – сказал он. – Чувствуешь?

– Нет. Что ты делаешь?

– Массирую твою ногу. Сейчас, погоди.

Он стал сжимать икроножные мышцы сильнее.

– Не знаю, что делать, – сказал он. – Чувствуешь сейчас?

– Немного.

Он посветил фонариком ей на лицо.

– Что у тебя с головой?

– А что?

– Губы синие, по всему лицу засохшая кровь.

– Долго я тут провисела просто.

– Долго, – повторил он.

Он принялся массировать ногу Ноа еще сильнее, развязал ботинок, снял носки.

– Попробуй пошевелить пальцами, – сказал он. – Чувствуешь их?

– Нет.

Ноа стало страшно, смотреть на ногу ей не хотелось, а Абель продолжал массировать все сильнее и вдруг он остановился.

– Слава богам этого проклятого леса, – прошептал он.

– Что там?

– А ты так и не чувствуешь? Ты только что пошевелила

пальцами... Давай, будем вставать и попробуем аккуратно добраться до дома.

С помощью Абея, Ноа смогла подняться. Левая нога постепенно приходила в чувства, мышцы сильно покалывало от притока крови. Правая, что попала в ловушку, и после десяти шагов оставалась бесчувственной, но теперь Ноа могла шевелить ей. Идти было возможно, только опираясь на плечо Абея.

По щекам Ноа текли слезы от усилий, которые она прикладывала для ходьбы, ничего вокруг себя она не разбирала, а Абель вдруг остановился.

– Погляди, – шепнул он.

В нескольких метрах впереди на фоне бледной луны висела в веревочной ловушке длинная кость.

– Надо взглянуть.

– Не надо, – сказала Ноа.

– Нет. Посиди, я схожу.

Он осторожно опустил Ноа на землю и пошел к ловушке. Через несколько минут он вернулся с восторженным блеском в глазах.

– Гляди.

В руке его была кость с перьями на кусочках присохшего мяса.

– Узнаешь такую?

Ноа взяла кость. Она была сухой и тяжелой. Кусочки мяса почернели и зачерствели, на некоторых остались еще перья.

В свете фонарика цвет перьев сложно разобрать, но они были светлыми, или выцвели на солнце, ведь очевидно, что кость уже давно висела здесь.

– Наверное птицы ели тушу, оставили в ловушке только эту кость, а остальное упало на землю и там уже все съели хищники, – сказал Абель. – Что думаешь о кости?

– Не знаю, нужно больше света, – сказала Ноа. – Но это... видишь эти связки? Похоже на локтевую, или лучевую... Но размер человеческий...

– Она же не человеческая, тут перья.

– Да, да... но похожа...

– Ты понимаешь, что это значит? Птичья кость большого размера и свежая...

– Мы нашли Келенкен, – сказала Ноа, голова ее кружилась и кость двоилась в глазах.

– Ты нашла. Пойдём домой, завтра я осмотрю этот район, а ты будешь отдыхать, а потом мы уедем отсюда и напишем работу о Келенкенах... Ноа, мы вместе это сделали.

Он положил кость в рюкзак и приподнял Ноа на ноги.

– Тяжело идти? – спросил он.

– А что?

– Давай ка вот так, – и Абель перехватил Ноа на руки. – Лучше я тебя донесу. Держись за меня... Ноа?

– Что?

Он посмотрел ей в глаза:

– Больше не теряйся.

– Хорошо, – улыбнулась она.

Утром у ее ног стояли свежие цветы, а у изголовья кровати на тумбочке чашка травянистого чая и бутерброд с сливочным маслом и апельсиновым джемом. Но прежде Ноа осмотрела поврежденную ногу. Кожа стала нормального цвета, ногу слегка покалывало при движении и она все еще казалась тяжелой, а ступня была почти бесчувственной и ватной, вокруг щиколотки темная борозда синяков.

Ноа оделась, умылась и перенесла всю еду на кухонный столик. Дверь дома открылась и в коридоре напротив появился Абель.

– Проснулась? – спросил он, улыбаясь. – Как ты?

– Ничего, – горло слегка першило и Ноа говорила с хрипом.

Она попробовала пошевелить ступней и почувствовала, как медленно возвращается кровь, щиколотка сильно заболела.

– Я думаю, сегодня же мы вернемся в город, так что не переживай насчет боли. Вечером примешь обезболивающее... Только одна прогулка к тому месту. Ты ведь позволишь мне?.. Если нет, мы сейчас же поедem в больницу. Решим по твоему самочувствию.

– Чего это ты таким стал учтивым со мной? – спросила она, чувствуя, как в уголках глаз появляются слезы от боли в ноге.

– Ноа... – Абель подошел к ней, присел напротив на колени и совершенно неожиданно для нее обнял. – Ноа, – повторил он.

Она с трудом проглотила кусок бутерброда.

– Что?

Дыхание Абеля касалось ее уха, он нежно погладил ее спину.

– Я переживал вчера. Вернулся домой, а тебя нету... Я весь лес был готов перевернуть... Как мне повезло... ты понимаешь, если бы я тебя не нашел... Я только вчера понял, что ты для меня значишь...

– Что я значу?

– Все.

Абель посмотрел ей в глаза, поднялся на ноги и поцеловал в лоб.

– Когда становишься таким старым как я, знаешь уже своих настоящих друзей, а у меня их нет. Кроме тебя. Выздоровливай.

Абель погрузил на спину рюкзак и ушел.

Ноа допила чай и вышла на крыльцо дома. Силуэт Абеля виднелся далеко в зарослях леса.

– Что я значу, – повторила она. – Как глупо... уж Лорена бы знала, что говорить в такой ситуации.

Она вернулась домой, взяла в ладони кружку и заметила, как дрожат руки. Сердце стучало, странное чувство взволнованности.

– Глупости все, – сказала себе Ноа, отпив немножко чая.

День обещал быть медленным и ленивым. Ноа побродила по дому и нашла старую детскую энциклопедию. Там было про вымерших животных, было и про птиц Келенкен. Место обитания, север страны, выделено желтым маркером. На страницах вокруг детские рисунки.

– Наверное, одна из книжек дочери Рут... Интересно, куда Абель положил птичью кость? – разговаривала сама с собой Ноа. – Вчера она показалась мне странной, хоть на ней и были эти перья, но как-будто...

– Девочка... Ноа, ты дома? – послышалось снаружи.

За окном стояла Рут. Ноа поспешила впустить ее.

– Извини меня, милая, я была грубой, – с порога сообщила Рут и взгляд ее коснулся больной ноги Ноа. – Ого, а что с тобой такое?

– А... я упала, – придумала Ноа. – Поскользнулась тут, снаружи дома...

– Ой, ой, бедненькая, пойдем, я осмотрю твою ногу.

Они перешли на кухню, Ноа принесла еще один стул, Рут села напротив нее и положила больную ногу Ноа себе на колени.

– Бедненькая, – приговаривала Рут, осматривая ногу. – Но кости целы, кажется, ты сильно ударилась и передала сухожилия.

– Сейчас уже не болит, – соврала Ноа.

– И хорошо.

Рут встала и сбегала в коридор, где сложила свой рюкзак. Обратна она вернулась с бутылкой, наполненной темным напитком, и мешочком орешков.

– Ты съела те печенья? – спросила Рут.

– Еще остались.

– Съешь обязательно. Они лечебные. А еще я приготовлю тебе напиток, что давала в день грозы, он заговорен против твоей хвори... А вот это вино из ягод думы. Знаю-знаю, пить вредно, когда лечишься, но мы немножко выпьем, потому что мы поссорились. Так принято.

– Я не спорю, – улыбнулась Ноа.

Вино было терпким, теплым, сладким, как вишневое варенье, но со сливочным привкусом, как будто отстаивалось уже не первый год. День солнечный, но слегка прохладный и такое вино было весьма кстати.

Они отпили по половине кружки и Ноа почувствовала, каким алкогольным было это вино, более напоминавшее крепкую настойку.

– Прости меня, доченька, – начала Рут.

– Это вы меня простите, я задаю глупые вопросы, – перебила ее Ноа.

– Нет. Не глупые. Ведь твой муж... Ты знаешь эту беду, все женщины ее боятся... Ты ведь хотела знать про мою дочь... Ее звали так же, как тебя.

– Правда? – удивилась Ноа и тут же поняла, как глупо зву-

чат ее слова.

– Да, – кивнула Рут. – Ее звали Ноа... Все было хорошо, но два года назад... Знаешь, она была моложе тебя, сильно моложе, в то лето ей исполнилось восемнадцать, но вы с ней так похожи... Когда твой муж рассказал, чем ты болеешь, когда я увидела тебя, я сразу захотела помочь... А моя Ноа, я не знала совсем, не знала, что с ней было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.